

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р)-1
Е 732

Е 732 **Ермилов А.П.** Власть и экономические отношения: деятель-
ностный подход. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. –
312 с.

ISBN 978-5-89665-322-6

В монографии отношения господства-подчинения (власти) рассматриваются в качестве основы социальных отношений. Обосновывается универсальный характер власти и ее разновидностей – отношений собственности и управления. Используются разработанные в рамках деятельностного подхода методологические приемы анализа социальных систем, позволяющие последовательно выделить и проанализировать общественные, экономические и производственные отношения. Разработана типология производственных отношений и способов производства на основе типологии методов осуществления власти и форм собственности на средства производства. Выделение видов способов производства планового хозяйства (централизованно-управляемой экономики) позволило зафиксировать государственно-капиталистическую сущность советской экономической системы 60–80-х годов XX века.

Книга предназначена для специалистов в области социальной философии, политической экономии, институциональной экономической теории, теории экономических систем и истории советской экономики.

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р)-1

ISBN 978-5-89665-322-6

© Ермилов А.П., 2017 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.su/docs/2017/Ermilov2017Vlast_i_economicheskie_otnosheniya.pdf

Глава 6

ТЕОРИЯ СПОСОБОВ ПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ 60–80-х годов XX века

Определение типа советской экономической системы все еще является дискуссионной проблемой. При этом большинство оценок сущности реального социализма основаны на формационном подходе. Предельно широкий диапазон этих оценок свидетельствует о различиях в понимании типологии общественно-экономических формаций, в основе которой лежит теория способов производства. Следовательно, с последней и необходимо прежде всего определиться. Мы возьмем на себя смелость обозначить некоторый новый подход к решению данной проблемы.

6.1. Сущность, структура и место категории «способ производства» в политической экономии

Важность категории «способ производства» видна уже из того, что в экономических исследованиях К. Маркса это понятие занимает место основного предмета исследования. Об этом он пишет в «Капитале»: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [*Маркс и Энгельс*, 1960, с. 6]. Впоследствии он определяет этот объект в качестве «исторически преходящей необходимости»: «...самый способ производства, а следовательно, и вытекающие из него отношения производства и обмена представляют собой историческую преходящую необходимость» [*Маркс и Энгельс*, 1962, с. 171].

Весьма образно значение этой категории определил М.И. Воейков: «...способ производства означает способ, каким люди производят средства к жизни и распределяют (обменивают) их между собой. ... Способ производства – это экономический скелет общества. Каков скелет – таков и человек. Все, что нарастает на скелете, может быть больше или меньше, может уменьшаться или увеличиваться, но определяющим остается скелет, т.е. костяк общества» [Воейков, 2012, с. 73].

Способ производства как совокупность производительных сил и производственных отношений. Выше, анализируя процесс производственной деятельности, мы выделили шесть элементов ее структуры (см. гл. 4):

- первичные коллективы индивидов, осуществляющие производственную деятельность и объединенные в составе производственных ячеек;

- цель процесса производства – создание благ;

- условия осуществления живой деятельности – средства производства (овеществленный труд);

- живую производственную деятельность – процесс труда;

- механизмы вовлечения членов общества в производственную деятельность – отношения производства (производственно-технологические и производственные);

- продукты труда – материальные блага и услуги.

В соответствии с классическим подходом в состав способа производства (производительные силы и производственные отношения) входит лишь часть элементов системы производственной деятельности. Так, к производительным силам относятся факторы производства: средства производства (условия осуществления деятельности) и рабочая сила (индивиды, осуществляющие производственную деятельность). При этом производственные отношения являются лишь частью отношений производства, являющихся элементами структуры производства. Таким образом, такие важные элементы структуры производственной деятельности, как ее цели, процесс труда, продукты, не входят в состав способа производства в его классической трактовке. Категория «процесс производственной деятельности» является более широкой, чем категория «способ производства». Возникает необходимость объяснения данного соотношения.

Причина этого кроется, на наш взгляд, в тех функциях, которые по замыслу классиков должна была исполнять категория способа производства. Главной ее задачей являлась классификация производственной деятельности, т.е. выделение основных ее типов и видов. С этой целью и была создана специальная теоретическая конструкция, включившая в себя лишь те элементы системы производственной деятельности, которые легли в основу классификационных признаков ее типологизации.

Понятие «способ производства» и включает в себя два элемента: производительные силы и производственные отношения.

Почему синтез именно этих элементов был использован К. Марксом в качестве одного из фундаментальных понятий политической экономии? Как известно, важнейшим методологическим приемом анализа социальной, в том числе и производственной, деятельности, который был применен классиками марксистской философии, является выделение (различение) двух ее сторон или аспектов. Они считали, что любая деятельность должна рассматриваться как: 1) взаимодействие людей с природой; 2) взаимодействие людей друг с другом. Как отмечает К. Маркс, «в производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью» [Маркс и Энгельс, 1957, с. 441]. И потому он говорит о способе производства, «...являющемся в такой же мере отношением индивидов друг к другу, в какой и их определенным действительным отношением... к неорганической природе, их определенным способом труда...» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Там же. – Т. 46, ч. 1. – С. 485) (цит. по: [Шморгун, 1990, с. 97–98]).

В способе производства как неотъемлемом единстве производительных сил и производственных отношений отражаются обе названные стороны (аспекта) производственной деятельности. При этом «производительные силы» характеризуют взаимодействие человека и природы («технологическую» составляющую процесса производства). Основными их элементами являются работники (рабочая сила), средства производства (условия производственной деятельности) и технологические отношения (последние в литературе часто называются организационными отношениями). Другой аспект производственной деятельности – взаимодействия между людьми – фиксируется категорией «производственные отношения», суть которых – формирование мотиваций участия индивидов в совместной производственной деятельности. Мы называем эту сторону «мотивационной составляющей» процесса производства.

Аналогичные характеристики составляющих способа производства мы встречаем в работах многих отечественных исследователей. Так, Ю.К. Плетников отмечает, что «посредством производительных сил человек воздействует на природу, преобразует ее вещества и силы в форму, удовлетворяющую его потребности. Поэтому они всегда выражают собой отношение общества к при-

роде» [Плетников, 1981, с. 283]. В.Н. Афанасьев подчеркивает: «Если производительные силы выражают определенные отношения людей к природе, то производственные отношения – это определенные отношения между людьми в процессе производства их материальной жизни. Производительные силы и производственные отношения взаимообусловлены и соотносятся как реальное содержание и реальная форма жизнедеятельности человека» [Афанасьев, 1991, с. 98]. По мнению В.В. Фетискина, «если производительные силы характеризуют субъекта как субъекта производящего, работающего и выявляют непосредственную технологию осуществляемого процесса, то производственные отношения позволяют увидеть субъекта заинтересованного, побуждаемого; они выявляют природу факторов и движущих сил, которые стимулируют в деятельном процессе» [Фетискин, 2003, с. 37].

Неотъемлемость взаимодействия этих составляющих позволила трактовать первую из них в качестве содержания, а вторую – в качестве формы общего процесса. Как отмечает Ю.И. Семенов, «...есть функционирование производительных сил общества, всегда происходящее в исторически определенной общественной форме. Функционирование производительных сил есть содержание общественного производства, система социально-экономических отношений представляет собой форму, в которую облечено это содержание. И, как везде в мире, содержание определяет форму» [Семенов, 2003, с. 111–112].

Наличие производительных сил означает потенциальную возможность производства. Для того чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходимо, чтобы начала осуществляться живая трудовая деятельность. Осуществление живой трудовой деятельности требует взаимодействия субъектов, т.е. их совместной деятельности. Последняя становится возможной в случае наличия механизмов формирования мотивов участия агентов производства в совместной производственной деятельности, т.е. при наличии производственных отношений. Следовательно, производительные силы без производственных отношений мертвы. Оживление производительных сил производится живой трудовой деятельностью, для возникновения которой необходимы производственные отношения. Производственные отношения отвечают за возникновение мотивов (интересов) агентов к участию в производстве.

В российской литературе аналогом конструирования способа производства из элементов структуры производственной деятельности является предпринятое Ю.М. Осиповым конструирование новой категории «способ хозяйства» из понятия «хозяйственная жизнь общества». «Раскрывая хозяйство как систему, – подчеркивает автор, – мы выделили ее важнейшие – основные и вспомогательные – элементы: субъектов, действующие в хозяйстве силы и факторы, труд и элементы труда, энергию и информацию, продукты труда – блага, т.е. все те компоненты хозяйства, которые составляют его структурный каркас и могут обеспечить его представление в функциональном образе – как способа хозяйства» [Осипов, 1995, с. 52].

И далее автор более четко описывает принцип формирования рассматриваемой теоретической конструкции: «Выявляя структуру способа хозяйства, надо брать только те из структурных элементов хозяйства как такового, которые несут на себе или отражают порядок взаимодействия сил и факторов хозяйства, – и ничего более. Структура способа хозяйства меньше, уже, проще структуры собственно хозяйства. И коль скоро мы говорим сейчас об образовании способа хозяйства, возникновении и кристаллизации его структуры, то мы должны в первую очередь выделить те элементы структуры способа хозяйства, без которых никакой способ хозяйства существовать вообще не может. Вдумчивый читатель уже догадался, наверное, что речь должна пойти о хозяйственных агентах, прежде всего – хозяйствующих субъектах, и о хозяйственных отношениях, ибо без действующих лиц и отношений между ними нет и не может быть никакой организации хозяйственной жизни» [Осипов, 1995, с. 84].

На наш взгляд, совместное использование классического понятия «способ производства» и вновь сконструированного «способа хозяйства» требует дополнительного обоснования. Использование первой из них ориентирует нас на то, что определяющую роль в формировании типа хозяйства общества играет именно форма организации процесса производства. Другие сферы (обмен и потребление) в различных типах хозяйств зачастую весьма схожи между собой. В частности, внутренние механизмы функционирования домохозяйств в социалистической и капиталистической экономике мало отличаются друг от друга. Имеющиеся в них различия (в частности регулируемые или рыночные цены) определяются внешними по отношению к домохозяйствам факто-

рами, которые исходят из механизма функционирования сферы производства. Разные типы хозяйства общества различаются именно формами организации сферы производства – способами производства.

Проблема соотношения понятий «производственная деятельность» и «способ производства» в отечественной литературе. Начнем с того, что в отечественной литературе зачастую способ производства отождествляется с материально-производственной сферой. Данная позиция просматривается, в частности, у П.В. Алексеева при обсуждении им элементов (структуры) материального производства: «Познакомимся теперь непосредственно со структурой материального производства (духовное производство относится к духовной сфере общества). Здесь традиционно выделяются производительные силы и производственные отношения» [Алексеев, 2003, с. 28].

По мнению В.С. Барулина, такое отождествление стало «традицией» в отечественном общественном сознании: «Как же понимается в самом общем плане материально-производственная сфера общества, каковы ее основные составные элементы? Сложилась традиция отождествления материально-производственной сферы со способом производства материальных благ – соответственно определяются и составные компоненты этой сферы: производительные силы и производственные отношения, их соотношение, диалектика производительных сил и производственных отношений» [Барулин, 2000, с. 23].

При этом автор подвергает критике это «традиционное» отождествление материальной сферы и способа производства: «Можно ли ставить знак равенства между материально-производственной сферой и способом производства? Мы полагаем, что такое отождествление не соответствует ни потребностям современной общественной практики, ни достигнутому уровню развития социально-философской теории. Более того, редукция материально-производственной сферы до способа производства привела к негативным методологическим следствиям» [Барулин, 2000, с. 23]. К ним автор относит недооценку проблем труда и материально-производственной сферы в целом, деформацию приоритетов в изучении последней [Там же, с. 23–24].

В качестве решения сформулированной проблемы В.С. Барулин предлагает в составе материально-производственной сферы

выделять, наряду со способом производства, еще два других элемента: «Каковы же компоненты материально-производственной сферы именно как многокачественного социального образования? По нашему мнению, такими компонентами являются, во-первых, труд как комплексное социальное явление, во-вторых, способ производства материальных благ, в-третьих, механизм функционирования материально-производственной сферы в целом» [Барулин, 1993, с. 49].

В свое время некоторыми авторами предпринималась попытка формулирования «широкой» и «узкой» трактовки категории способа производства. По мнению В. Пештеева, «в широком смысле этим термином охватываются тип производственных отношений, господствующий и подчиненный способы производства, движение технико-экономической формы производства (например, простая кооперация – мануфактура – фабрика). В узком смысле этот термин употребляется, когда речь идет о способе соединения рабочей силы со средствами производства» [Пештеев, 1976, с. 3].

Нет однозначного ответа и на вопрос об уровне агрегирования сферы действия понятия способ производства, относить ли его к макро- или к микроэкономике? Так, по мнению А.Н. Григорьева, способ производства «...следует применять не ко всему обществу в целом, а к конкретному производству или фирме» [Григорьев, 2014, с. 78].

Представления о сущности и структуре производительных сил. Весьма неоднозначно трактуются в литературе отдельные составляющие способа производства – производственные отношения и производительные силы. Последние, казалось бы, являются достаточно очевидным объектом достижения консенсуса. Чаще всего под производительными силами понималась совокупность средств производства и рабочей силы. «Собственно производство, – пишет Ю.И. Семенов, – есть процесс создания общественного продукта определенными силами, которые принято называть *производительными силами общества*. Эти силы – люди, вооруженные средствами труда и умеющие привести их в движение» [Семенов, 2003, с. 111].

Однако отечественные авторы постоянно пытаются подвергнуть понятие производительных сил, в том числе и их структуру, критическому переосмыслению. Так, по мнению П.В. Алексева,

«отдавая дань традиции, можно указать, что производительные силы состоят из средств труда и людей, вооруженных определенными знаниями и навыками и приводящих в действие эти средства труда. ... Однако такое представление, опирающееся на марксистскую традицию, оказывается недостаточно полным. Все чаще к подсистемам производительных сил присоединяют технологию (или технологический процесс), управление производственным процессом, в том числе с включением в него компьютеров. Эта третья подсистема дополняется еще четвертой подсистемой – производственно-экономической инфраструктурой. ... В производственно-экономическую инфраструктуру включаются транспорт, железные и шоссейные дороги, производственные и жилые (относящиеся к тому или иному ведомству) здания, коммунальное хозяйство, обеспечивающее производство, и т.п. К производительным силам следует отнести также знание (или науку)» [Алексеев, 2003, с. 28–29]. В результате данного подхода структура производительных сил подверглась серьезным изменениям. П.В. Алексеев считает, что «структура производительных сил включает в себя: 1) работников производства; 2) научное знание; 3) средства труда; 4) технологию производственного процесса и 5) производственно-экономическую инфраструктуру» [Там же, 2003 с. 30].

Концепция общественного и технологического способов производства. На наш взгляд, к позитивным примерам анализа способа производства относится предложенная советскими учеными концепция «общественного способа производства», в составе которого были выделены «технологический способ производства» и «производственные отношения». Наличие этих двух составляющих авторы естественным образом связали с двумя сторонами (аспектами) производственной деятельности. Главной особенностью данной концепции является включение технологических отношений в состав производительных сил. Как отмечает Ю.К. Плетников, «нет необходимости доказывать, что технологический способ производства не существует сам по себе, без определенной общественной формы. Более того, технические и общественные условия процесса производства представляют собой две неразрывные стороны единого общественного способа производства или просто способа производства (термин, имеющий наиболее широкое распространение в современной марксистской литературе)» [Плетников, 2003, с. 10].

стской литературе). Составляя собственную материальную основу исторического процесса, общественный способ производства, как известно, выступает в виде диалектического единства двух сторон: производительных сил и производственных отношений. Если первая сторона выражает отношение людей к природе, то вторая сторона – взаимные отношения людей в процессе производства, через которые реализуются их отношения к природе» [Плетников, 1981, с. 276].

«Технологический способ производства» понимается Ю.К. Плетниковым как «способ труда, способ изготовления продуктов (потребительных стоимостей)» [Плетников, 1981, с. 275]. Соответственно, состав входящих в него элементов шире тех, которые представлены в классической категории «производительные силы». Сторонники данного подхода включают в состав технологического способа производства технологические отношения. По мнению А.М. Кривули, «...собственно трудовые (технические, технологические и т.п.) отношения, вытекающие из разделения труда, относятся к структуре совокупной («комбинированной») деятельности и входят в технологический способ производства» [Кривуля, 1988, с. 60].

Ю.К. Плетников отмечает, что «организационные связи процесса производства становятся необходимой характеристикой технологического способа производства» [Плетников, 1981, с. 275] и поддерживает идею об «...организационных отношениях общественного производства (технологических отношениях) как функциональной характеристике производительных сил общества» [Плетников, 1978, с. 31–32]. На наш взгляд, технологические отношения являются не «функциональными характеристиками», а полноправными элементами технологического способа производства, наряду с другими элементами, обычно включаемыми в состав производительных сил. Такое понимание технологических отношений позволяет углубить понимание самих производительных сил.

По мнению Ю.П. Андреева, специфика технологических отношений производственной деятельности проявляется в том, что они [Андреев, 1985, с. 155–156]:

1) «складываются непосредственно в технологическом способе производства, который в отличие от общественного способа производства (первобытнообщинного, рабовладельческого, капиталистического и коммунистического) характеризуется не форма-

ми собственности, а формами и средствами кооперации своего осуществления, то есть технической оснащенностью, и в историческом плане также выступает в различных видах (мануфактурный, машинный и автоматизированный)»;

2) «непосредственно детерминированы объективным процессом разделения труда, уровнем развития вещных элементов производства и технологией производства»;

3) имеют агентов (носителей), которые «являются совокупными работниками, носителями родовых, универсальных признаков человека. В то же время они обуславливают друг друга со стороны таких элементов своих сущностных сил, как: профессиональные знания, опыт, потребность в труде, а не со стороны мотивов, интересов, ценностных установок, политических взглядов»;

4) «являются определяющими в системе общественных отношений, так как выполняют интегративную функцию и создают объективную основу для развития всех других видов материальных и идеологических общественных отношений. Объясняется это тем, что они выступают формой материального воспроизводства».

Проблема соответствия производительных сил и производственных отношений. Необходимость объединения производительных сил и производственных отношений в единый теоретический объект (способ производства) объясняется представлениями классиков о том, что эти две составляющие процесса производства неразрывны и взаимно определяют друг друга. Другими словами: каждому определенному типу технологии, как правило, соответствует определенный тип мотивации ее участников. Тип технологии является содержательной, определяющей стороной данного взаимодействия, в то время как тип мотивации – его формой. При этом, как каждая форма, система мотивации оказывает существенное влияние на свое содержание – технологию.

В марксистской политэкономии сформулирован закон соответствия уровня развития производительных сил характеру производственных отношений. В соответствии с этим законом характер производственных отношений определяется уровнем развития производительных сил. Как отмечает П.В. Алексеев, «вслед за изменением производительных сил, по К. Марксу, рано или позд-

но меняются производственные отношения, которые должны прийти в соответствие с характером производительных сил» [Алексеев, 2003, с. 18]. Таким образом, изменения производительных сил определяют изменения производственных отношений. Следовательно, изучение эволюции последних должно быть основано на знании эволюции производительных сил. Соответственно, возникает необходимость их совместного рассмотрения, что требует создания специальной теоретической конструкции, которую мы и называем способом производства.

Установление взаимной однозначности сочетаний типов производительных сил и производственных отношений позволило каждое из этих сочетаний трактовать в качестве способа производства определенного вида. Следовательно, можно утверждать, что количество видов способов производства совпадает с количеством видов производственных отношений и, соответственно, классификация способов производства в рамках политической экономии осуществляется на основе классификации производственных отношений.

Аналогичные идеи мы встречаем в отечественной литературе. Как отмечает П.В. Алексеев, «экономический детерминизм К. Маркса опирался на признание производственных отношений как лежащих в основании всех форм общественного устройства» [Алексеев, 2003, с. 18]. По мнению петербургских социологов, специфика способа производства «...обуславливается типом производственных отношений» [*Философские вопросы ...*, 2009, с. 318].

Типологизация способов производства как основа типологизации общественно-экономических формаций в марксистской теории. Типологизация способов производства имеет фундаментальное значение в марксистской теории, поскольку она лежит в основе теории общественно-экономических формаций. «Каковы бы ни были, – говорит Маркс, – общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» (цит. по: [Эйххорн и др., 1977, с. 61]).

Методологическими основаниями использования способов производства для различения формаций являются принципы экономического детерминизма в обществе и примата сферы производства в экономике. В соответствии с ними тип сферы производства определяет тип экономики в целом. В свою очередь этот последний определяет тип всего общества. Следовательно, в основу типологии общества должна быть положена типология сфер производства, т.е. способов производства. Именно способ производства является «...экономической основой общества, которая, как считал Маркс, оказывает наиболее сильное влияние на социальные институты, общественное и религиозное сознание» [*Словарь...*, 1997, с. 328].

Рассмотрение способа производства в качестве основы классификации не только экономик, но и обществ является достаточно распространенным явлением в современной научной экономической среде. Так, американский социолог Н. Смелзер при обсуждении марксистской концепции отмечает определяющую роль способов производства: «...существует множество способов классификации обществ. Согласно марксистской традиции, тип общества определяется способом производства, т.е. тем, как используются и контролируются экономические ресурсы, которыми оно владеет. (В связи с этим различаются, например, феодальное, капиталистическое, социалистическое и коммунистическое общества)» [*Смелзер*, 1994, с. 86].

Принципиальное значение способов производства при определении типов общества признается большинством отечественных исследователей. Так, по мнению Н.Е. Осипова, «формационный анализ акцентирует внимание на определении субстанции жизни общества, видя ее в способе производства и основных сферах социального бытия, в конечном счете детерминированных этой субстанцией» [*Осипов*, 2004, с. 84]. В.Н. Ковнир отмечает, что «Критерием различения формаций... является способ производства, т.е. специфическая форма взаимодействия производителя и средств производства» [*Ковнир*, 2009, с. 73]. По мнению М.И. Воейкова «...способ производства материальных благ определяет социальный, политический и духовный строй общества и этапы его развития» [*Воейков*, 2012, с. 73].

Немецкие философы В. Эйххорн, А. Бауэр и Г. Кох фактически редуцировали историю общества к истории способов производства: «Процесс развития способов производства и смены од-

ного из них другим лежит в конечном счете в основе всего исторического процесса развития человеческого общества. Поэтому история общества есть в первую очередь история способов производства, которые со временем сменяют друг друга. Объективные закономерности, которые управляют развитием и сменой способов производства, играют в историческом процессе определяющую роль» [*Эйххорн и др.*, 1977, с. 10].

6.2. Типы хозяйства общества и формы собственности на средства производства

Два уровня взаимодействия агентов сферы производственной деятельности. Классификация способов производства требует выявления основных видов агентов (участников) сферы производства и «типовых» отношений между ними. Как известно, сфера производства может быть представлена как совокупность отдельных производственных ячеек. В свою очередь, каждая производственная ячейка представляет собой определенный набор факторов производства (средств производства и рабочей силы), находящихся в распоряжении соответствующих агентов – собственников. Экономическая теория устанавливает в рамках производственных ячеек преимущественную роль собственников средств производства по сравнению с собственниками рабочей силы. Таким образом, первые являются хозяевами производственных ячеек и, соответственно, продуктов их деятельности. Именно они определяют и направления функционирования ячеек.

Мы выделили два уровня взаимодействия агентов сферы производственной деятельности: 1) между отдельными производственными ячейками как результат взаимодействия их хозяев – собственников средств производства; 2) в рамках производственных ячеек между работниками (непосредственными производителями и управляющими) и собственниками. Именно эти типы взаимодействий и будут положены нами в основу классификации производственных отношений и способов производства.

Таким образом, в основу типологизации производственных отношений нами будут положены две группы признаков:

1) виды взаимодействия между производственными ячейками, т.е. между их хозяевами – собственниками средств производства;

2) виды взаимодействия (зависимости) между непосредственными производителями и собственниками факторов производства.

В предыдущей главе были выделены четыре вида второй группы классификационных признаков – зависимостей непосредственных производителей от собственников факторов производства. Это были: личная свобода, основанная на вещной свободе; личная свобода, основанная на вещной зависимости; личная зависимость, основанная на вещной свободе; личная зависимость, основанная на вещной зависимости. Выделение этих видов зависимостей позволяет описать все многообразие механизмов формирования мотиваций агентов производства в рамках (внутри) производственных ячеек.

При этом открытым остается вопрос о факторах внешнего взаимодействия производственных ячеек друг с другом, которое проявляется в форме обмена продуктами и зависит от механизмов мотивации хозяев этих ячеек – собственников средств производства. Различия механизмов мотивации хозяев к взаимодействию друг с другом лежат в основе выделения соответствующих типов производственных ячеек и, далее, – к выделению типов сфер производства и типов хозяйства в целом. Этой проблемой мы и займемся ниже.

Общественное разделение труда как причина появления различных типов взаимодействий между производственными ячейками. Объяснение характеристик производственных отношений следует искать в особенностях развития производительных сил. Данный тезис относится и к проблеме выделения типов взаимодействий между производственными ячейками. Характеристики этих взаимодействий определяются особенностями развития производительных сил, а точнее – процессами общественного разделения труда. Выше мы говорили о важнейшей фундаментальной характеристике развития человеческой деятельности, а именно – о ее дифференциации. В процессе развития производственной деятельности дифференциация выступает в виде углубления общественного разделения труда, которое формирует специфические качества сферы производства.

Общественное разделение труда проявляется в специализации отдельных ячеек на производстве определенных видов продукции, т.е. на определенных видах трудовой деятельности. Специализация производства означает, что ячейки ориентируются на

удовлетворение не собственных потребностей, а потребностей других экономических агентов. Каждая отдельная специализированная трудовая деятельность в рамках производственной ячейки становится частью совокупного труда общества, нацеленного на удовлетворение общественной потребности.

Общественное разделение труда приводит к формированию определенной формы (типа) производства, называемого общественным. Последнее можно определить как производство, основанное на общественном разделении труда. Функционирующие в нем производственные ячейки специализируются на производстве различных продуктов, и потому возникает необходимость обмена между ними. Обмен становится необходимым условием осуществления воспроизводства, поскольку он обеспечивает как доведение продуктов до потребителей, так и восстановление производителями затраченных средств производства.

Процесс производства и процесс обмена в рамках общественного производства имманентно связаны. Эффективность производства определяется не только эффективностью используемых технологий собственно производства, но и уровнем развития обмена. Как говорилось выше, в рамках материального производства формируются виды деятельности, обеспечивающие развитие обмена, и эти отрасли зачастую напрямую относятся к отраслям материального производства (в частности транспорт и связь). Соответственно, хозяйство общества (экономика), в которой сфера производства находится в форме общественного производства, получает наименование общественного хозяйства, которое, наряду со сферами производства и потребления, необходимо включает в себя и сферу обмена.

Виды хозяйства общества и механизмы координации производственных ячеек. Рассмотрим типы взаимодействий между производственными ячейками в лице их хозяев – собственников средств производства в сферах производства и обмена. Данные типы взаимодействий формируют соответствующие типы (формы) сферы производства и в целом хозяйства общества (экономики). Экономическая теория выделяет три типа таких взаимодействий.

В первом случае данные взаимодействия отсутствуют, т.е. сфера производства представляет собой совокупность ничем не связанных друг с другом, автономных производственных ячеек. Такая ситуация означает, что в производственной деятельности

нет дифференциации, т.е. отсутствует общественное разделение труда. Соответствующий тип сферы производства именуется *натуральным производством*, а соответствующая ему форма хозяйства общества – *натуральным хозяйством* (табл. 6.1). Данный тип хозяйства господствовал на ранних этапах развития общества, хотя широко распространен и в настоящее время.

Таблица 6.1

**Формы и типы хозяйства общества
в зависимости от общественного разделения труда**

Показатель	Характеристика общественного разделения труда		
	отсутствие	наличие	
Форма хозяйства общества	<i>Натуральное</i>	<i>Общественное</i>	
Тип хозяйства общества	<i>Натуральное</i>	<i>Товарное</i>	<i>Плановое</i>

Если в сфере производства имеет место общественное разделение труда между отдельными производственными ячейками, то они вынуждены взаимодействовать друг с другом. Такой тип сферы производства обычно называют общественным производством, а соответствующую ему форму хозяйства общества – *общественным хозяйством*. Здесь уровень развития общества определяется достигнутой глубиной общественного разделения труда.

Экономическая теория выделяет два альтернативных механизма координация действий (взаимодействия) производственных ячеек в общественном хозяйстве: *конкуренцию* и *регулирование*. Соответственно различаются и два вида общественного хозяйства: *товарное* (рыночное, рынок) и *плановое* (централизованно-управляемое, иерархия) (табл. 6.2).

Конкуренцией называется форма взаимодействия независимых производственных ячеек. Конкурентная ячейка сама определяет, что производить, как производить, с кем и по каким пропорциям обменивать свои продукты. Она ищет наиболее удобное для себя место в своей внешней среде – системе общественного хозяйства. Регулирование процесса производства основано на отношениях господства-подчинения и предполагает наличие субъекта-регулятора (центрального агента), который берет на себя функции определения и согласования поведения (действий) отдельных зависимых (подчиненных) производственных ячеек в процессе их вхождения в систему общественного разделения труда.

**Типы хозяйства общества
и соответствующие им формы собственности на средства производства
в зависимости от характеристик производственных ячеек
и механизмов их координации**

Характеристика производственных ячеек	Типы хозяйства общества		
	натуральное	общественное	
		товарное	плановое
Хозяева ячеек – собственники средств производства	<i>Множество субъектов</i>	<i>Множество субъектов</i>	<i>Центральный агент</i>
Механизм координации ячеек	<i>Отсутствует</i>	<i>Конкуренция</i>	<i>Регулирование</i>
Формы собственности на средства производства	<i>Личная</i>	<i>Частная</i>	<i>Общественная</i>

Названные типы хозяйства общества – натуральное, товарное и плановое – отличаются применяемыми механизмами координации взаимодействия производственных ячеек. Необходимость и возможность применения различных механизмов предопределяется качественным различием объектов координации, т.е. самих производственных ячеек:

– в натуральном хозяйстве они независимы и не участвуют в общественном разделении труда, потому взаимодействие между ними отсутствует;

– в товарном хозяйстве производственные ячейки независимы и участвуют в общественном разделении труда, потому механизмом их координации выступает конкуренция;

– в плановом хозяйстве производственные ячейки зависимы, не самостоятельны, они участвуют в общественном разделении труда, и потому адекватной формой координации здесь является регулирование.

Выделение аналогов названных нами трех типов хозяйства общества (натурального, товарного и планового) часто встречается в российской и зарубежной литературе. Так, В. Ойкен выделяет «три типа хозяйственных порядков» [Ойкен, 1996, с.

248–249]. В первом типе «доминируют формы собственного натурального хозяйства», во втором типе – «формы менового хозяйства» и в третьем типе – «формы централизованно-административного хозяйства». Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст также выделяют три типа «социального порядка»: примитивный порядок, порядок ограниченного доступа (естественное государство) и порядок открытого доступа. По существу, эти «порядки» совпадают с выделенными нами типами хозяйства общества [Норт и др., 2011, с. 40].

Формы собственности на средства производства. Тип механизма координации ячеек, а вместе с этим и тип хозяйства общества, зависит от следующих условий:

1) их участия/неучастия в общественном разделении труда (характеристики уровня развития производительных сил);

2) тех, кто является собственниками средств производства – хозяевами производственных ячеек (множество субъектов или центральный агент).

Первое условие, определяющее тип хозяйства общества, является результатом воздействия производительных сил и может рассматриваться в качестве внешнего по отношению к производственным ячейкам природного, материального процесса. Эти ячейки могут только стараться приспособиться к его наличию или отсутствию.

Второе условие проистекает из сложившейся (созданной господствующими слоями) системы отношений собственности на средства производства, определяющей порядок доступа к ним членов общества и являющейся разновидностью системы отношений господства-подчинения (власти).

Мы увидели две разновидности этой системы и, соответственно, два принципа доступа членов общества к средствам производства. В первом случае средства производства распределяются между определенным множеством (совокупностью) членов общества, во втором – все они принадлежат одному субъекту. Эти альтернативные типы доступа мы будем называть формами собственности на средства производства. И теперь мы можем утверждать, что именно эти последние определяют типы хозяйства общества. Соответственно, каждому из выделенных типов хозяйства общества (натуральному, товарному,

плановому) соответствует своя форма собственности на средства производства. Таким образом, мы выделяем три формы собственности на средства производства: личную, частную и общественную.

Форму собственности натурального хозяйства мы назвали личной. При ней средства производства принадлежат независимым субъектам (агентам), не участвующим в общественном разделении труда.

Товарное хозяйство основано на частной собственности, если средства производства принадлежат независимым субъектам, участвующим в общественном разделении труда. Здесь средства производства общества объединены общественным разделением труда в единую технологическую систему, отдельные части которой принадлежат различным независимым друг от друга субъектам (частникам).

В плановом хозяйстве все производственные ячейки подчинены единому субъекту (центру). Следовательно, общественная собственность есть принадлежность всех средств производства, участвующих в общественном разделении труда в масштабе хозяйства общества (экономики), одному субъекту. Данное определение отличается от расхожего определения общественной собственности как принадлежности всех средств производства обществу. Важно подчеркнуть, что предлагаемые определения частной и общественной собственности позволяют обеспечить необходимую их дихотомию.

6.3. Виды способов производства товарного и планового хозяйств и виды частной и общественной собственности

Проведенный анализ первого уровня взаимодействий между отдельными производственными ячейками позволил нам выделить типы хозяйства общества. Далее мы переходим на второй уровень – к анализу механизмов объединения работников и факторов производства в рамках отдельных производственных ячеек. Это позволит нам выделить виды способов производства, лежащие в основе выделенных товарного и планового типов хозяйства. (Натуральное хозяйство мы далее рассматривать не будем,

предположив, что в его основе лежит единственный одноименный способ производства.)

Сферы производства товарного и планового хозяйств представляют собой совокупности производственных ячеек. В обоих случаях хозяевами этих ячеек являются собственники входящих в их состав средств производства. Отличия ячеек определяются различиями субъектов, выступающих в качестве их хозяев. В товарном хозяйстве система отношений собственности устроена так, что средства производства принадлежат множеству различных независимых субъектов, которые и являются хозяевами соответствующих ячеек. Такой тип (форма) отношений собственности на средства производства называется частной. Независимость хозяев трактуется как независимость самих производственных ячеек. Управление ячеек контролируется их хозяевами – различными собственниками.

Однако частная форма собственности не является единственным вариантом установленного порядка доступа индивидов к средствам производства в масштабах общества. Альтернативой является установление принадлежности всех средств производства, имеющихся в обществе, какому-то одному субъекту. Таким субъектом может быть отдельный индивид (монарх или вождь племени), группа индивидов (класс бюрократии) или организация (государство). В институциональной экономической теории такого субъекта называют «центральным агентом». В такой системе управление всех производственных ячеек осуществляется из единого центра, откуда и появилось ее именование как «централизованно-управляемой экономики». Лежащую в ее основе форму отношений собственности на средства производства принято называть общественной.

Виды зависимостей непосредственных производителей от собственников факторов производства в товарном и плановом хозяйствах. Формы собственности на средства производства (частная и общественная) определяют для соответствующих типов хозяйства общества (товарного и планового) виды взаимодействия (конкуренцию и регулирование) между производственными ячейками и вместе с этим и виды этих ячеек (конкурентные и регулируемые). При этом построение обоих видов производственных ячеек осуществляется на основе одних

и тех же механизмов зависимости непосредственных производителей от собственников факторов производства. Ранее мы выделили четыре вида таких зависимостей: 1) личная свобода, основанная на вещной свободе; 2) личная свобода, основанная на вещной зависимости; 3) личная зависимость, основанная на вещной свободе; 4) личная зависимость, основанная на вещной зависимости. Каждая из этих зависимостей является видообразующим элементом системы производственных отношений обоих типов хозяйства общества.

Так, в товарное хозяйство, основанное на частной собственности, можно объединять производственные ячейки четырех различных видов, т.е. построенных на основе четырех видов зависимости непосредственных производителей от собственников факторов производства. Соответственно, мы можем выделить четыре вида товарного хозяйства и частной собственности. Каждый из этих видов фактически основан на определенной системе производственных отношений, входящих в систему частной собственности. Последняя состоит из следующих видов частной собственности: мелкой, капиталистической, феодальной и рабовладельческой. Таким образом, были выделены виды производственных отношений товарного хозяйства. Аналогичным образом можно выделить виды производственных отношений планового хозяйства. К ним будут отнесены следующие: социалистическая, капиталистическая, феодальная, рабовладельческая.

Таким образом, мы выделили четыре вида производственных отношений, функционирующих в рамках товарного хозяйства и столько же в рамках хозяйства планового. Теперь мы можем перейти к определению видов способов производства, отталкиваясь от тезиса о том, что последние определяются входящими в их состав видами производственных отношений. Начнем с рассмотрения способов производства товарного хозяйства.

Виды способов производства и частной собственности товарного хозяйства. Четыре вида зависимости работников в процессе производства формируют четыре вида производственных отношений и способа производства товарного хозяйства, а также и соответствующие им четыре вида частной собственности (табл. 6.3).

Таблица 6.3

**Виды способов производства, частной и общественной форм собственности
товарного и планового хозяйств**

Вид зависимости непосредственных производителей как функции их положения в системах отношений власти и собственности	Тип общественного хозяйства			
	товарное (рыночное)		плановое (централизованно-управляемое)	
	вид способов производства	вид частной собственности	вид способов производства	вид общественной собственности
Личная свобода, основанная на вещной свободе	Товарный простой (мелкий)	Частная мелкая	Плановый социалистический	Общественная социалистическая
Личная свобода, основанная на вещной зависимости	Товарный капиталистический	Частная капиталистическая	Плановый капиталистический (государственный капитализм)	Общественная капиталистическая
Личная зависимость, основанная на вещной свободе	Товарный феодальный	Частная феодальная	Плановый феодальный	Общественная феодальная
Личная зависимость, основанная на вещной зависимости	Товарный рабовладельческий	Частная рабовладельческая	Плановый рабовладельческий («азиатский»)	Общественная рабовладельческая

Так, если видом зависимости непосредственного производителя является личная зависимость, основанная на вещной зависимости, то перед нами товарный *рабовладельческий способ* производства и соответствующая ему *частная рабовладельческая собственность*. Если имеет место личная свобода, основанная на вещной зависимости (личная свобода работников при отсутствии у них средств производства), то методом их вовлечения в производство становится купля-продажа рабочей силы. Тогда перед нами – *капиталистический способ производства* и соответствующая ему *частная капиталистическая собственность*. Следующий тип способа производства товарного хозяйства характеризуется тем, что свободные работники являются при этом и

собственниками средств производства. Такой вид зависимости мы определяем как личную свободу, основанную на вещной свободе. Соответствующий способ производства именуется *простым или мелким товарным производством*, и ему соответствует *частная мелкая собственность* на средства производства.

В последнем случае имеет место личная зависимость непосредственного производителя, основанная на вещной свободе. Здесь работники имеют в собственности определенные средства производства, однако при этом они находятся в личной зависимости (прикреплены) к каким-то индивидам. Результат такой зависимости – появление определенных установленных законом обязательств перед этими лицами. Так, в России крепостные крестьяне должны были отдавать им часть урожая в уплату специального налога – оброка и, кроме этого, должны были отработать определенное время на полях своего господина (барщина). Соответствующий способ производства именуется товарным феодальным, и в его основе лежит *частная феодальная собственность* на средства производства.

Как видно, полученная нами на основе предложенного подхода типология способов производства товарного хозяйства и видов частной собственности полностью соответствуют принятому их различению в классической политэкономии. Тем самым мы показали правомерность использования нашей классификации для анализа товарного хозяйства. Следовательно, имеется основание для выделения на его основе типов планового хозяйства, соответствующих им способов производства и видов общественной собственности. Это тем более актуально, поскольку классики, выделив весь набор способов производства товарного хозяйства, фактически не ставили перед собой аналогичной задачи для хозяйства планового. Имеются лишь их короткие высказывания относительно отдельных видов планового хозяйства, таких как коммунизм и азиатский способ производства.

Виды способов производства и общественной собственности планового хозяйства. Рассмотрим совокупность способов производства планового хозяйства, которое основано на подчинении всех производственных ячеек одному центральному субъекту-регулятору. Таковым субъектом в классовом обществе выступает государство. В западной литературе вместо термина «плановое хозяйство» широко используется понятие «централизованно-

управляемая экономика», которое, на наш взгляд, точнее передает смысл данного явления.

Для анализа планового хозяйства (централизованно-управляемой экономики) следует выделить основные классы (слои), имеющиеся в обществе. Для наших целей будет достаточно разделить общество на два класса: государственную бюрократию и народ. Суть общественной собственности – принадлежность государству всех средств производства в масштабах общества. Общественным слоем, представляющим (контролирующим) государство, является государственная бюрократия. Остальная часть общества – народ – свое участие в производстве может осуществить, только объединившись с государственными средствами производства. В качестве классификационного признака при определении видов планового хозяйства нами будут использованы виды зависимости работников (народа) от государства (государственной бюрократии), сформированные в процессе производства. Эти зависимости по сути аналогичны тем, которые имеют место в товарном хозяйстве в отношениях между отдельными работниками и частными собственниками средств производства.

Мы видим только четыре возможных типа отношений между государством и народом и соответствующие им четыре вида зависимости непосредственных производителей-работников (народа) и их вовлечения в контролируемый государством-собственником процесс производства (см. табл. 6.3). Эти типы отношений формируются распределением власти и собственности между участниками производственного процесса. Под властью (властными отношениями) мы понимаем отношения господства-подчинения, при которых одна сторона (господин) приобретает способность определять, подчинять поведение другой. В плановом хозяйстве в качестве таких сторон выступают государство – субъект власти и народ (общество) – ее объект.

Первая форма вовлечения работников (народа) в производство характеризуется сосредоточением власти и собственности на стороне государства. Здесь возникают отношения личной зависимости (зависимости личности) работника – народа от собственника средств производства – государства в сочетании с отношениями вещной зависимости. Фактически это означает, что государство присваивает себе право распоряжаться не только средствами производства, но и жизнью своих подданных. В сфере

производства отношения господства-подчинения (власти) между государством и народом проявляются в том, что государство оставляет за собой право устанавливать членам общества (народу, работникам) как, когда, где, сколько, за какое вознаграждение и в каких условиях трудиться. В случае неисполнения команд государство может применить жесткие санкции. Таким образом, отношения между государством и народом здесь строятся по образцу отношений рабовладельца и раба. Соответствующий таким отношениям способ производства К. Маркс называл *«азиатским способом производства»*. По нашей классификации его можно назвать плановым рабовладельческим, а соответствующий вид общественной собственности – *общественной рабовладельческой собственностью*.

Вторая ситуация возникает, когда имеется личная свобода работников (народа), основанная на вещной зависимости. Здесь представители народа (ставшие гражданами) лишены средств производства. Государство не обладает правом легитимно посягать на свободу личности и жизнь своих граждан, однако оно становится собственником всех общественных средств производства, т.е. является хозяином всех производственных ячеек. Тогда единственно возможной формой вовлечения свободных работников на государственные предприятия является *наем (купля-продажа) рабочей силы*. Последний является необходимостью и для лишенных средств производства работников (народа). Работники, заключая с государством трудовые соглашения, фактически идут на определенные ограничения личной свободы в обмен на заработную плату. Таким образом, их личная независимость дополняется «вещной зависимостью». Возникает экономическая зависимость работников (народа) от государства. Отношения между государством и народом строятся здесь по образцу отношений капиталиста и наемного работника. Данный вид способа производства планового хозяйства можно назвать *плановым капиталистическим* или *государственным капитализмом*, а соответствующий тип собственности – *общественной капиталистической*.

В третьем случае государство устанавливает личную зависимость народа, однако при этом оставляет за ним право владения определенными средствами производства. Такую форму зависимости мы назвали личной зависимостью, основанной на вещной свободе. Как и в товарном хозяйстве, такого рода зави-

симость формировала определенные обязательства у собственников средств производства по отношению к государству. Так, в азиатских деспотиях мелкие производители были обязаны принимать участие в крупных государственных работах, связанных с созданием или ремонтом государственных систем орошения. Такой вид способа производства планового хозяйства можно назвать *плановым феодальным* или *государственным феодализмом*, а соответствующий тип собственности – *общественной феодальной*.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией четвертого – социалистического – способа производства. Как известно, К. Маркс в качестве отдельного типа рыночной экономики рассматривал простое (мелкое) товарное хозяйство, в котором непосредственные производители (работники) одновременно являются и собственниками средств производства. Заметим, что этот способ производства ни в одной из формаций не становился господствующим. Может ли появиться нечто похожее в плановом хозяйстве при общественной собственности? В качестве аналога представим ситуацию, когда народ (являющийся непосредственным производителем – работником) одновременно является и собственником средств производства, т.е. подменяет в этой роли государство. Правильнее будет сказать не «подменяет», а имеет возможность реально контролировать и, соответственно, подчинить себе государство. Таким образом, государство становится действительным исполнителем воли народа, а, следовательно, и общества. И потому государство действует в интересах общества, которое становится не только работником, но и фактическим собственником используемых средств производства. Таковую форму взаимодействия между государством и народом можно определить как личную свободу, основанную на вещной свободе, а соответствующие ему виды способов производства и общественной собственности могут быть названы *социалистическими*.

Следовательно, социалистический способ производства характеризуется двумя определяющими свойствами: 1) наличием общественной собственности, т.е. подконтрольностью всех средств производства в рамках общества одному субъекту (государству); 2) наличием реального контроля общества над государством. Для нас важно, что данная трактовка совпадает с классическими представлениями о социализме. Отсутствие последнего свойства превратит соответствующий способ производства либо в плано-

вый рабовладельческий («азиатский»), либо в государственный капитализм. К сожалению, факты реального длительного контроля государства обществом истории человечества неизвестны.

6.4. Определение типа советской экономики 60–80-х годов XX века

Сложности анализа и прогнозирования современной российской экономики в значительной степени предопределены недопониманием особенностей предшествующего – советского – периода ее развития. Такая мысль неоднократно высказывалась в отечественной литературе. В частности, по мнению М.И. Воейкова, «...мы плохо понимали и понимаем историю России в XX веке. А без понимания социально-экономической природы общества трудно предвидеть пути его развития» [Воейков, 2012, с. 80]. Как утверждает Е.Б. Сошнева, «...если сегодня исторические, политические аспекты истории социализма активно изучаются, то экономические параметры, несомненно влиявшие на ход событий, изучены и осмыслены явно недостаточно» [Сошнева, 2006, с. 156].

Несомненно, советская экономика нуждается в углубленном теоретическом анализе, и мы разделяем мнение А.И. Фурсова о том, что «...без теоретического осмысления того строя, который просуществовал почти семь десятков лет в виде СССР, невозможно до конца понять ни русскую историю в целом, ни мировую реальность XX в., ни постсоветский социум, поскольку он является результатом разложения «реального социализма ...» [Фурсов, 2014, с. 82].

Между тем следует констатировать отсутствие должного прогресса исследований в этом направлении. Такую оценку разделяют многие исследователи. Так, по мнению В. Межуева, «вопрос, чем является социализм, остается открытым» [Межуев, 1999, с. 216]. И.Б. Чубайс говорит о необходимости «разобраться еще в одном запутанном вопросе – что же такое социализм» [Чубайс, 2005, с. 181]. М.И. Воейков считает, что, «...четких представлений о старой социально-экономической системе и новой в научном понимании пока нет. Кроме самых общих, весьма приблизительных очертаний старой и новой систем ничего определенного в нашей обществоведческой литературе нет. Даже в лучшей лите-

ратуре на эту тему можно обнаружить много приблизительных и наивных оценок» [Воейков, 2012, с. 80]. В данной главе мы постараемся уделить внимание некоторым фундаментальным особенностям советской экономической системы.

Современная отечественная литература о сущности «реального социализма». В современной российской экономической литературе существуют весьма разнообразные трактовки сущности советского «реального» социализма. В зависимости от диагностируемого типа советской экономической системы можно разбить их на четыре группы. К первой группе мы отнесем признание советской экономической системы социализмом, ко второй – капитализмом, к третьей – азиатским способом производства или феодализмом, к четвертой – прочие позиции, в том числе не основанные на применении формационного подхода. Внутри этих групп различные трактовки также могут расходиться существенным образом.

Рассмотрим позиции авторов, считающих советскую систему социализмом. По мнению Т.И. Ойзермана, сопоставившего «реальный социализм» и социалистические идеи Маркса и Энгельса, «...расхождение между тем образом социализма, который предстает перед нами в трудах Маркса и Энгельса, и «реальным социализмом» не дает каких-либо оснований для отрицания действительного существования социалистического строя в СССР и ряде других стран» [Ойзерман, 2002, с. 17]. Такую позицию разделяет и Л.Г. Сухотина [Сухотина, 2008, с. 5].

Как отмечает Ф.Н. Клоцвог, «общественной системе Советского Союза были присущи все основные черты, характеризующие социализм: народовластие, общественная собственность на средства производства, планомерность экономического развития» [Клоцвог, 2008, с. 34]. Данный автор среди социалистических черт называет также удовлетворение потребностей общества как непосредственную цель производства, распределение по труду, достижение достаточного уровня потребления основных материальных и культурных благ, ликвидацию наемного труд и эксплуатации человека человеком. Тем не менее он характеризует советскую систему как «ранний социализм», поскольку коренные черты, присущие новому способу производства, имели неразвитый, а зачастую деформированный характер. Речь идет о недостаточном уровне развития производительных сил, низком уровне демокра-

тии (как власти в интересах большинства, а не власти самого большинства). Общепризнанная собственность имела форму государственной собственности. По его мнению, мы «...поспешили, объявив этот строй развитым социализмом. От развитого социализма общественный строй СССР отличался не меньше, чем капитализм начала XVII в. от современного капитализма» [Клоцвог, 2008, с. 34]. Похожую точку зрения воспроизводит В. Мусатов, охарактеризовавший советскую систему как «раннюю модель социализма» [Мусатов, 2011, с. 35].

В исследованиях В.П. Безбородова выделены три формы реального социализма: «1. Уравнительный, грубый, примитивный социализм в аграрных странах (СССР, Китай до конца 1970-х гг., Северная Корея и т.д.); 2. Демократический социализм европейского типа, опирающийся на постиндустриальную экономику (Швеция, Норвегия, Финляндия); 3. Промежуточный рыночный социализм переходный от уравнительного к демократическому социализму (Китай, Вьетнам, Монголия)» [Безбородов, 2011, с. 109]. Как видим, данный автор классифицирует советскую систему как «уравнительный, грубый, примитивный» социализм, а в более поздней работе – как «уравнительный утопический» социализм [Безбородов, 2012, с. 92].

Некоторые авторы, характеризуя советскую систему, считали необходимым подчеркнуть ее государственный характер. В частности, по мнению Р.М. Гусейнова, «...этот строй не был подлинным социализмом (назовем его мягко – советским вариантом социализма, государственным социализмом)» [Гусейнов, 2007, с. 169]. Близкую формулу – «государственно-административный социализм» – использует А. Бутенко [Бутенко, 1989, с. 158]. Как считает А. Бузгалин, сущность советской системы следует определять как «мутантный социализм»: «...это общественная система, которая выходит за рамки капитализма, но не образует устойчивой модели, служащей фундаментом для последующего движения к новому обществу» [Бузгалин, 2000, с. 107].

Ряд отечественных авторов стоят на позициях отрицания социалистического характера советской системы. Так, российский философ В. Межуев призывает «...отказаться от социализма не только на практике (где его, собственно, никогда и не было), но и в теории» [Межуев, 1999, с. 225]. Отмечая определенные успехи развития социальных сфер Советского Союза, И.Г. Мясникова, тем не менее, считает, что «...даже все самые

впечатляющие успехи указанного строительства не позволяют трактовать общество советского образца как социалистическое» [Мясникова, 2007, с. 243]. По мнению А. Любинина, советской системе «...еще только предстояло стать социализмом» [Любинин, 2011, с. 50].

Отрицание социалистического характера советской системы ставит вопрос о ее сущности. И здесь также имеется множество подходов.

Часть исследователей считает советскую систему капитализмом, точнее, – государственным капитализмом. Эта точка зрения высказывалась уже в 30-е годы XX века. Среди современных ее сторонников можно назвать, в частности, Канъити Курода, который определил советскую систему как «бюрократический государственный капитализм» [Канъити Курода, 1996, с. 9–10]. Аналогично можно трактовать и позицию М.И. Воейкова: «...теоретически правильно и более последовательно связывать советский тип социально-экономической системы не с марксизмом и коммунизмом, а с буржуазными производственными отношениями» [Воейков, 2012, с. 75]. При этом он подчеркивает, что «... капитализм в СССР существовал не в классической форме, но это было господство своеобразных буржуазных экономических отношений» [Там же, с. 78]. (Отметим, что приводимая автором данной работы трактовка сути буржуазных отношений, на наш взгляд, нуждается в уточнении.) По мнению А.Н. Медушевского, «объективной целью коммунистической революции становится создание современного индустриального общества. Поэтому суть порождаемого ею режима есть специфическая форма государственного капитализма» [Медушевский, 1995, с. 40].

По мнению В.В. Мухачева, «реальный социализм» СССР в действительности представляет собой «...мелкобуржуазное, строившееся на принципе эгалитаризма, общество» [Мухачев, 2013, с. III]. Л.С. Бляхман утверждает, что «советская экономика была рыночной, хотя и не капиталистической...» [Бляхман, 2011, с. 18], не уточняя, к какому типу рынка она относилась.

Широкое распространение на Западе и впоследствии в России получила трактовка советской системы как «азиатского способа производства». Анализ данного подхода приводится в статье О.И. Шкаратана [Шкаратан, 2010, с. 35]. Среди зарубежных сторонников этой позиции он называет Б. Рассела, М. Джиласа, К. Виттфогеля, среди российских – Л.С. Васильева, Р.М. Нуреева,

Ю.В. Павленко, А.В. Пименова [*Там же*, с. 35, 79–80]. Данная точка зрения исследуется также А.И. Фурсовым [*Фурсов*, 2014, с. 87–88]. По мнению В.М. Межуева, «общество, возникшее у нас за годы сталинщины, нельзя назвать ни социалистическим, ни капиталистическим (или государственно-капиталистическим), ни даже феодальным. ... Правильнее было бы называть это общество «модернизированной азиатчиной», тем, что Маркс называл «азиатским способом производства», «первичной (архаической) общественной формацией». ... «Реальный социализм» оказался на практике чисто «азиатским» путем создания индустриального общества, использующего в этих целях методы государственного насилия и внеэкономического принуждения к труду» [Межуев, 1990, с. 29].

Некоторые исследователи характеризуют советскую систему как феодализм. По мнению М.С. Восленского, «реальный социализм по своей сущности не имеет ничего общего ни с предсказанным Марксом коммунистическим обществом, ни с капитализмом. Тем не менее он следует за феодализмом. Остается проверить еще одну возможность: не является ли реальный социализм продолжением феодализма в некоей специфической форме? ... Поддерживает эту версию и то, что при реальном социализме царит типичный для феодализма метод внеэкономического принуждения людей к труду. В пользу такой версии говорят и строго иерархическая структура общества, социальный апартеид, наличие в обществе привилегированной правящей знати – новой аристократии» [*Восленский*, 1991, с. 569].

Представленные выше точки зрения определяют советскую систему в теоретических рамках формационного подхода. Наряду с ними в литературе представлено множество попыток определения сути рассматриваемого явления вне рамок данного подхода. Так, широкое распространение получила трактовка реального социализма как административно-командной системы, которая получила прописку даже в некоторых учебниках по социальной философии. Далее мы приведем некоторые такого рода «авторские» формулировки.

По мнению В.М. Кудрова, советская экономика – это «... модель нерыночной командно-административной системы тоталитарного государства со сверхцентрализованным вертикальным управлением и планированием при отсутствии горизонтальных связей между производителями и потребителями продукции»

[Кудров, 1998, с. 137–138]. В. Межуев определяет советскую систему как «тип мобилизационного развития (в отличие от инновационного) с его упором на политические методы руководства и управления хозяйством и обществом, на распределительные функции власти. Именно эта модель развития, корни которой в дореволюционной России, стала для мира синонимом социализма» [Межуев, 1999, с. 232]. И.Б. Чубайс называет советскую систему «номенклатурно-тоталитарным государством» [Чубайс, 2005, с. 183].

Тип советской экономики 60–80-х годов XX века – государственный капитализм. В основе любой общественно-экономической формации лежит определенный способ производства. Следовательно, типологизация способов производства является необходимым условием последующей квалификации формационного качества любой реальной экономической системы.

Выделив виды способов производства планового хозяйства, мы можем попытаться определить, какой из них находился в основе советской экономики. При этом мы понимаем, что на протяжении своего развития эта экономика существенно менялась. В экономической литературе ее история обычно подразделяется на два основных периода: 20–50-е и 60–80-е годы. На последнем из них мы и сосредоточим наше внимание в данной главе. Рассмотрим прежде, насколько советский способ производства являлся социалистическим, у которого мы выделили две определяющие характеристики: наличие общественной собственности и подконтрольность государства обществу.

Сформулируем наиболее важные и характерные особенности советской экономической системы, проявившиеся на всем протяжении ее истории:

1. Преобладающая часть средств производства в СССР находилась в собственности государства. Следовательно, здесь имела место общественная собственность в ее вышеопределенном виде. Соответственно, абсолютное большинство советских граждан являлись работниками государственных предприятий, т.е. были экономически привязаны к государственной системе. Советское государство являлось абсолютным монополистом в сфере экономики.

2. По конституции в стране была установлена однопартийная политическая система. Ведущая политическая сила советского

общества – коммунистическая партия (КПСС) – монополист в политической сфере.

3. Партийные и государственные органы взаимодействовали на разных уровнях и сливались в единую, строго иерархизированную систему. В обществе функционировала система подготовки и ротации партийно-хозяйственных кадров разного уровня. Советский бюрократический класс был четко выделен («номенклатура») и организован.

4. Класс высших управляющих всех уровней (партийно-хозяйственная бюрократия) экономически и социально был отделен от общества (народа). У них была своя система торговли, социального обеспечения, медицинского обслуживания, обеспечения жильем и т.п. Слой управляющих именовал себя «партийно-хозяйственным активом», хотя правильнее было его именовать «партийно-хозяйственной бюрократией». Он должен был представлять интересы партии и государства, которые провозглашались идентичными интересам общества.

Представляется очевидным наличие в СССР общественной собственности, поскольку подавляющая часть средств производства принадлежала одному субъекту – советскому государству. Точнее говоря, этим субъектом являлась сложившаяся иерархия (система) партийно-хозяйственных (государственных) организаций, которые контролировались высшими управляющими. Класс этих управляющих был четко иерархизирован, целенаправленно формировался и был социально оторван от общества (народа). Процедуры принятия управленческих решений могли быть единоличными, могли быть использованы и демократические процедуры, однако последние применялись исключительно внутри бюрократического класса. Об использовании их в масштабах всего общества, за редким исключением, не было и речи. Сущность советской бюрократии, ее история и методы господства были достаточно подробно рассмотрены М.С. Восленским [*Восленский, 1991*]. В постсоветский период вышеизложенная позиция в различных вариациях была представлена в многочисленных публикациях российских ученых.

Вышесказанное позволяет утверждать, что в советской экономической системе действующим субъектом общественной собственности на средства производства являлся слой (класс) партийно-хозяйственной бюрократии, который был независим от остальной части общества – народа. При этом внедрившиеся

на протяжении десятилетий принципы функционирования советской бюрократии все сильнее упрочивали ее отрыв от народа (общества). В этом же направлении действовала и политика противодействия формированию гражданского общества и любым саморазвивающимся, самостоятельным формам социального взаимодействия, не находящимся под контролем и руководством партии и государства. В советской системе общество (народ) не имело серьезных рычагов воздействия на пронизывающие все стороны жизни государственные структуры. Советская бюрократия стала суверенным, независимым от общества субъектом-собственником. И даже, более того, правильнее будет сказать, что советское государство подчинило себе общество, превратило его в объект собственной власти.

Как утверждалось выше, необходимым свойством (условием) социалистического способа производства является установление власти народа над государством. В советском обществе, напротив, сложилась система власти государства над обществом. По этой причине советский способ производства на протяжении всей своей истории не являлся социалистическим. Наличие общественной (т.е. единой в рамках страны) собственности на средства производства не обеспечивает социалистический характер экономической системы. Выше было показано, что на основе общественной собственности могут возникать и другие способы производства – «азиатский», государственно-феодальный и государственно-капиталистический.

Советская бюрократия провозгласила социалистический характер советской системы и все время клялась в верности социалистическим идеалам и целям народа – как это делают все бюрократии, находящиеся у власти или стремящиеся к ней. При этом нельзя и огульно утверждать, что советская система всегда действовала вопреки интересам общества. На наш взгляд, этот вопрос заслуживает специального исследования. Очевидно, что советская история знает периоды совпадения интересов бюрократического государства и общества. Так, например, именно советское государство в 30-е годы провело индустриализацию страны, именно оно привело народ к победе в Великой Отечественной войне. Позитивными для общества были многие инициативы государства, в частности развитие общего и специального образования, развитие науки и культуры и т.п. Однако любые позитивные действия государства не меняют его несоциалисти-

ческой сути: оно во всех ситуациях оставалось органом власти над народом и потому представляло в первую очередь интересы бюрократии.

Отрицание социалистического характера советского способа производства оставляет возможность отнесения его к трем оставшимся типам: «азиатскому» (плановому рабовладельческому), государственному феодализму и к государственному капитализму. По нашему мнению, в развитии советской экономики можно выделить два периода, в которых доминировали различные способы производства. В первом периоде (20–50-е годы) основу экономики составлял «азиатский» или, по нашей классификации, плановый рабовладельческий способ производства. Во втором периоде (60–80-е годы) он переродился в государственно-капиталистический способ производства.

В данной главе мы сосредоточимся на определении сущности советской системы во второй период ее существования. Для этого мы вкратце выделим главные, на наш взгляд, свойства советской экономической системы образца 60–80-х годов XX века. В этот период советское государство, находившееся в руках партийно-хозяйственной бюрократии, как и ранее, являлось собственником подавляющего большинства материальных (вещественных) экономических ресурсов (средств производства) в масштабах страны. Потому мы констатируем наличие общественной собственности.

Однако в конце 1950-х годов произошли серьезные изменения принципов взаимодействия государства с обществом, в том числе и в области вовлечения народа в производство. Советское государство существенно снизило силовое давление на граждан, отменило многие институты личной зависимости. В результате советский народ, по сравнению с предыдущим этапом развития (20–50-е годы), обрел существенные гражданские свободы. Можно утверждать, что в значительной степени была ликвидирована личная зависимость народа от государства. Так, в этот период граждане получили право выбора места работы, специальности, укреплялись бесплатное образование и медицинское обслуживание. Достаточно высокой была и мобильность рабочей силы. Граждане, с учетом некоторых ограничений, могли сами определять места своего жительства. При этом вещная зависимость сохранялась в полной мере: советские граждане не имели в достаточном количестве собственных

средств производства, и для большинства из них единственной возможностью участия в процессе производства (и последующего получения части продукта) была работа на государственных предприятиях.

Для подтверждения тезиса об ослаблении личной зависимости членов общества от государства рассмотрим следующие факты. Сами 1960-е годы характеризуются как годы «оттепели», т.е. ослабления жестких, зачастую основанных на насилии, рычагов государственного управления. Необходимость снижения градуса насилия в обществе была осознана пришедшими к власти высшими руководителями страны. Уже в конце 50-х годов советские крестьяне получили паспорта, а вместе с этим и права более свободного трудоустройства и передвижения по стране. В середине 60-х годов осуществляется попытка реформирования экономики (так называемая «Косыгинская реформа»), которая впервые провозгласила в качестве основной цели повышение жизненного уровня народа и во главу угла поставила децентрализацию системы управления посредством усиления экономической самостоятельности предприятий. В официальный экономический лексикон вернулись такие термины, как «прибыль», «рентабельность», «материальное стимулирование». В политэкономии социализма даже возникли концепции, обосновывающие «товарный» характер социалистического производства и необходимость введения рынка труда.

Стало очевидным, что развитие экономики возможно только на новой технической основе или, как говорилось в то время «на основе внедрения достижений научно-технического прогресса» (НТП). Для подготовки соответствующих специалистов была развернута система высшего и среднего специального образования. Страна перешла на всеобщее среднее образование. Была создана мощная научная отрасль. Научные достижения стали рассматриваться как важная основа и свидетельство социального лидерства в мире. Стремление реализовать лозунг «догнать и перегнать Запад» потребовало огромных человеческих и финансовых затрат.

В СССР первые этапы индустриализации в 20–30-е годы в силу определенных исторических условий осуществлялись на основе мобилизационных механизмов, т.е. личной зависимости работников от государства. В 1940-х и до половины 1950-х годов этот механизм только усиливался. Однако к концу этого перио-

да он существенно исчерпал свои возможности. И прежде всего он препятствовал массовому «внедрению достижений НТП» (на сегодняшнем языке – «инновационному развитию», «модернизации»).

Процесс замены этого механизма начался лишь в 1960-е годы. Для этого необходимо было изменить мобилизационный подход и привлечь квалифицированную и соответствующим образом мотивированную рабочую силу. На наш взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые квалифицировали сферу вовлечения работников в производство в СССР в рассматриваемый период как рынок труда. Следовательно, методом вовлечения работников (народа) на советские государственные предприятия являлась купля-продажа рабочей силы. Однако данный рынок полностью регулировался государством и в результате приобрел весьма специфические особенности. По своей форме он являлся монополией – здесь функционировал единственный покупатель рабочей силы – советское государство. Характеристикой монополии на всех рынках является занижение цен товаров. Соответственно, на советском рынке труда устанавливалась низкая цена рабочей силы – заработная плата. В результате здесь сложился хронический дефицит рабочей силы. Спрос на нее со стороны государственных предприятий существенно превышал предложение. Предприятия широко информировали желающих об имеющихся вакансиях, требованиях к кандидатам и условиях работы. Желающие могли быть приняты на эти вакансии. При этом они имели право в одностороннем порядке прервать трудовые отношения. Государство регулировало потоки рабочей силы посредством установления различий заработной платы и различных дополнительных льгот (обеспечение жильем и т.п.).

На первый план в социальной политике КПСС вышли наука, образование, а также воссоздание и укрепление личных свобод граждан. Все это потребовало существенного развития социальной сферы (бесплатные здравоохранение, образование, жилье и т.п.). По мере движения в этом направлении изменялась и природа способа производства, лежащего в основе советской экономики: из государственно-рабовладельческого («азиатского») он превращался в государственно-капиталистический.

Таким образом, мы утверждаем, что способ производства, лежащий в основе советской экономической системы 1960–

1980-х годов, отличался четырьмя особенностями: 1) наличием общественной собственности на основные средства производства, субъектом которой являлось советское государство в лице класса партийно-хозяйственной бюрократии; 2) независимостью советского государства и класса партийно-хозяйственной бюрократии от народа (общества); 3) установлением существенных гражданских свобод, позволяющих говорить о ликвидации личной зависимости народа от государства и замене ее экономической («вещной») зависимостью; 4) возникновение рынка труда в форме монополии с единственным покупателем рабочей силы – государством.

В соответствии с предложенной нами классификацией способов производства планового хозяйства такой их вид называется государственным капитализмом. Таким образом, советская экономическая система 60–80-х годов XX века по своей сути являлась государственным капитализмом.

6.5. Причины неэффективности советского государственного капитализма

Квалификация советской экономики 60–80-х годов XX века в качестве государственного капитализма ставит перед исследователями новые вопросы. Как известно, важнейшей характеристикой капиталистического способа производства и родственного ему государственно-капиталистического является высокая способность к массовому использованию (внедрению) достижений научно-технического прогресса. Однако советская экономическая система как раз продемонстрировала свою низкую эффективность в этой сфере деятельности. Она имела высокие достижения в отдельных направлениях НТР (в частности в космических и ядерных исследованиях), но внедрение достижений НТР так и не стало массовым процессом, охватившим все отрасли народного хозяйства. Следовательно, если советская экономика и была государственным капитализмом, то этот советский вариант госкапитализма должен был иметь в своей структуре определенные механизмы, нейтрализовавшие инновационные качества его западных аналогов. Далее мы попытаемся установить сущность и причины появления механизмов такого рода.

Извращенный характер советского государственного капитализма: сущность и причины. Установление государственного-капиталистической сущности советского способа производства позволяет соответствующим образом охарактеризовать и его содержание. По мнению российского философа А.Г. Спиркина, содержание выступает в качестве более широкого понятия, ибо сущность выражает «...не все содержание целиком, но лишь главное, основное в нем» [Спиркин, 1988, с. 193].

Выявленное содержание является важной, но не единственной стороной исследуемого объекта. Одной из методологических установок гносеологии (теории познания) является необходимость исследования явлений реальной действительности со стороны как содержания, так и формы. Как считает А.Г. Спиркин, «мудрость заключается в том, чтобы не упускать из виду ни содержательную сторону объекта, ни формальную» [Спиркин, 2006, с. 278]. Следуя этому указанию, анализ содержания советской системы мы продолжим рассмотрением ее формы.

По нашему мнению, именно несоответствие формы и содержания советской системы является фундаментальной основой всех ее принципиальных недостатков. Специфические особенности советского государственно-капиталистического способа производства возникли в результате навязывания ему внешней псевдосоциалистической формы. Несоответствие сущности и формы сформировали специфическое содержание советской экономической системы. В результате ею были утеряны или ослаблены принципиально важные внутренние капиталистические институты, а вместо этого были приобретены внешние псевдосоциалистические качества. Возникший в результате такой «мутации» «организм» оказался не способным ответить на вызовы, вставшие перед страной во второй половине XX века.

Имевшее место противоречие между содержанием и формой делает недостаточным определение сущности советской системы только со стороны содержания (сущности) как государственного капитализма. Антагонистическая, псевдосоциалистическая форма меняет это содержание и требует «до-определения» сущности нашего объекта, учитывающее воздействие формы. Следовательно, необходимо проанализировать специфику этой последней.

Прежде отметим, что советская система создавалась не спонтанно, а являлась результатом реализации определенного социального проекта. Разработчиками этого проекта выступала идео-

логическая верхушка бюрократии, организаторами – ее средние и нижние слои, исполнителями – народ. Глобальная цель проекта – построение социалистического (и далее – коммунистического) общества. Данная цель была широко распропагандирована и выступала фактором легитимизации (общественной поддержки) действий советского государства. При этом представления о сущности социалистического общества были, по-видимому, еще более туманными, чем в настоящее время. Они сводились к некоторым общим тезисам, таким как: 1) наличие общественной собственности (и, соответственно, ликвидация частной собственности); 2) экономическое равенство граждан; 3) политическая свобода и независимость; 4) контроль трудящихся над средствами производства («землю – крестьянам, фабрики – рабочим»).

Построение социалистического общества предполагало и построение соответствующей экономической системы. И эта система, по замыслу разработчиков, должна была принципиально отличаться от своих предшественниц и, в первую очередь, от капитализма. Как пелось в одной из революционных песен: «Мы наш, мы новый мир построим!». Была поставлена задача разрушения старой – капиталистической – и создания новой – социалистической – системы экономических отношений, четких представлений о которой не было.

Некоторые экономисты того времени прямо высказывали сомнения в возможности создания альтернативного экономического механизма. Приведем высказывание санкт-петербургского экономиста В.М. Штейна, сделанное им в 1917 г.: «Сейчас, когда мы находимся в такой жуткой близости от социализма или, по крайней мере, социалистических экспериментов, когда на отдельных предприятиях захватным порядком пытаются водворить начала нового общественного строя, нужно отдать себе ясный отчет в том, грозит ли капиталистическому строю действительная опасность, – может ли он быть заменен другим порядком, или против него выдвигается призрак, плод утопической фантазии, неспособный к длительному существованию» [Штейн, 2005, с. 56–57].

Однако перед советским государством стояла еще и проблема выживания, требовавшая осуществления индустриализации страны. По этой причине чистота экспериментов по созданию социалистических отношений, по-видимому, стала отходить на второй план. В реальную экономическую жизнь внедрялись самые разнообразные экономические отношения, в том числе рабовладель-

ческие и буржуазные. Как справедливо отмечает Ю.А. Красин, «исторический опыт доказал, что социализм не может быть результатом разрушения «до основания» старого общества и построения затем нового с «чистого листа», по умозрительной схеме. Мера реализуемости социалистических ценностей в конечном счете определяется достигнутыми обществом рубежами естественного развития – социально-экономического, политического, культурного» (Красин, 1995, с. 178).

В результате система экономических отношений, созданная к началу 30-х годов в СССР, была призвана отвечать на имеющиеся реальные вызовы, а не являлась результатом чистого внедрения идей научного коммунизма. Соответственно, реальная экономическая система, возникшая в процессе «социалистического строительства», существенно отклонялась от заявленной цели. А поскольку отказ от этой цели разрушил бы легитимность советского государства, постольку в недрах бюрократии сформировалась практика придания социалистической формы внедрявшимся механизмам экономического взаимодействия. Таким образом, содержание советской экономики определялось потребностями экономического развития, в то время как ее форма – необходимостью поддержки советской идеологии. В результате псевдосоциалистическая форма советской экономики была оторвана от ее содержания. И этот отрыв не мог не оказать своего негативного влияния на качество советских экономических отношений.

Выше мы диагностировали советский способ производства в 60–80-е годы XX века как государственный капитализм. Как известно, классический капитализм всегда характеризовался высокой способностью к инновационному развитию. Советский государственный капитализм, напротив, оказался неспособным использовать потенциал новых технологий, предоставленный научно-техническим прогрессом для модернизации производства. В чем причина того, что капиталистический по содержанию способ производства в советском варианте лишился своего главного качества – способности к инновационному развитию? На наш взгляд, главная (хотя и не единственная) причина заключалась в том, что советская бюрократия на протяжении 1960–1980-х годов пыталась придать капиталистическому по содержанию советскому способу производства противоречащую ему социалистическую форму. Придаваемая капиталистическим институтам социалистическая форма подрывала эффективность их функциониро-

вания. В итоге советская экономика предстала как совокупность устойчиво неэффективных институтов, замедлявших ее развитие. Другими словами, сложившиеся экономические отношения не создавали достаточных мотиваций экономическим агентам к совершенствованию производства.

Можно утверждать, что навязывание псевдосоциалистической формы функционирующим государственно-капиталистическим институтам является важнейшей особенностью советской экономической системы. Именно оно определило специфику и уникальность советских экономических отношений. Главным его следствием явилось снижение эффективности, выхолащивание, извращение действия капиталистических экономических институтов. Советские экономические институты являлись извращенными государственно-капиталистическими институтами со всеми вытекающими отсюда последствиями. По этой причине не корректно характеризовать советскую систему 1960–1980-х годов как «чистый» государственный капитализм. Характеристика советской системы должна отразить не только ее капиталистическое содержание, но приведшее к его искажению стремление придать этому содержанию псевдосоциалистическую форму. По нашему мнению, более точным определением сущности советского способа производства является «извращенный государственный капитализм».

Выхолащивание государственно-капиталистических институтов в советской экономике как следствие их извращения. Общий тезис о влиянии формы на содержание и эффективность советского способа производства следует подкрепить детальным анализом отдельных институтов. Мы рассмотрим, каким образом придание в советской экономике государственно-капиталистическим институтам псевдосоциалистической формы приводило к их выхолащиванию – снижению эффективности функционирования. Происходило это по причине искажения мотиваций основных агентов экономических отношений в СССР – класса советской бюрократии и класса наемных работников (народа).

В частности, псевдосоциалистические советские экономические институты распределения начисто подрывали заинтересованность экономических агентов в результатах производства. По мнению Ю.Б. Кочеврина, автора концепции статусной координа-

ции, в советской экономике в основе распределения доходов лежит сформировавшаяся система статусной индексации, в рамках которой каждый гражданин получает индивидуальный статус, отражающий его социальную значимость. Таким образом, здесь «рынок, как форма распределения дохода, заменялся статусом. Система присваивала своим субъектам незримый ранг, который определял их место в обществе. Номенклатурный принцип, сложившись внутри партии, постепенно, за многие годы, распространился на все общество. ... Действие этого принципа распространялось на население всей страны. Его всеобщность была своего рода гироскопом, обеспечивавшим социальное равновесие. Каждый гражданин СССР, помимо того денежного заработка, который ему полагался по штату, имел еще некоторую «добавку». ... Тысячи градаций этого незримого индекса, тем не менее, однозначно регистрировали статус человека в советской системе» [Кочеврин, 2004, с. 35].

Доходы членов советского общества формировались как сумма денежной («зарплатной») и статусной составляющих, причем последняя во многих случаях многократно превышала денежные доходы. Определяющее значение статусной составляющей доходов позволило автору сделать вывод об отсутствии закона распределения по труду в советской экономике. Важным является также вывод о том, что такого типа координация слабо связана с результатами производства. Она мотивирует индивидов на повышение своего статуса в жестко иерархизированной системе статусной индексации. При этом происходит уменьшение роли денежной («зарплатной») части формирования доходов. Это означает, что формирование доходов (а вместе с этим и мотивации экономических субъектов) все в меньшей степени определяются производственным процессом.

Советские институты статусного распределения не позволили возникнуть капиталистическим механизмам формирования мотивов участия советской бюрократии в хозяйственной жизни, которые были бы жестко связаны с результатами производства. Основную роль играл созданный и действовавший в СССР институт «привилегий». Под ним мы понимаем скрытый от общества дополнительный (наряду с заработной платой) источник формирования доходов класса бюрократии. Так, помимо зарплаты, представители партийно-хозяйственной бюрократии получали: 1) различные целевые денежные вспомоществования (на восстановле-

ние здоровья, на отдых и т.п.); 2) для них была создана собственная система распределения дефицитных товаров по сниженным ценам); 3) ежегодно бесплатные путевки для семейного отдыха на лучших курортах; 4) комфортное бесплатное жилье; 5) лечение в спецполиклиниках; 6) персональные автомобили с водителями. Эти дополнительные, скрытые от общества, источники доходов и благосостояния многократно превосходили их официальные, «зарплатные» доходы. Таким образом советская бюрократия реализовывала свою позицию капиталиста – собственника средств производства в обществе.

Следует отметить, что привилегии номенклатуры, в частности различного рода продовольственные «пайки», появились сразу после захвата власти большевиками. Как отмечает С.В. Яров: «Привилегии партийных и государственных чиновников стали предметом рассмотрения еще в 1917 г., но споры о них велись, как правило, келейно [Яров, 2005, с. 132]. По его мнению, «на системе пайков базировалась иерархия привилегий, скреплявших власть и служивших наградой за выражение политической лояльности [Там же, с. 140].

Как очевидно, ставшая основным средством формирования благосостояния бюрократии система привилегий нарушала равноправие в распределении и перечеркивала провозглашенные социалистические принципы. Однако главная проблема в том, что такая система разрушала капиталистические мотивации советской бюрократии. В капиталистической системе доходом собственника средств производства является прибыль, которая напрямую зависит от эффективности производства. В советском варианте капитализма доходы бюрократов-капиталистов определялись скрытым распределением привилегий. Доля привилегий, причитающихся каждому конкретному бюрократу, определялась его статусом (рангом). Имелась четкая система ранжирования класса бюрократов и порядка их доступа к системе привилегий. Увеличить долю получаемых привилегий советский бюрократ мог только в случае официального повышения его ранга. Причем эта доля мало зависела от эффективности текущей деятельности бюрократа. Следовательно, доходы советской капиталистической бюрократии были привязаны к социальному статусу и оторваны от результатов производства.

Таким образом, советский госкапитализм, введя институт привилегий, принципиально изменил, извратил мотивации гос-

подствующего класса. В то время как интересы классических капиталистов напрямую связаны с эффективностью производства, интересы советских бюрократических капиталистов связаны с сохранением или повышением собственного статуса в социально-политической системе и только косвенным образом могут быть притянуты к производству. Различия интересов и мотивов предопределили и различия в поведении этих агентов. Классический капиталист (предприниматель) вынужден активно изыскивать резервы повышения эффективности производства, не чураясь конфликтов и рискованных предприятий. Оптимальная стратегия советского бюрократа – осторожное, бесконфликтное, безынициативное, не привлекающее лишнего внимания поведение. Любые резкие движения (в том числе усилия по модернизации производства) чреваты риском утраты статуса. Соответственно, ряды советской бюрократии пополнялись за счет людей, наиболее приспособленных для осуществления такой формы поведения. Формировался так называемый «отрицательный отбор».

Отсутствие мотивации советской бюрократии к активным самостоятельным действиям стало одной из причин неспособности советской экономики к массовому внедрению достижений НТП. Последнее возможно, когда большинство управляющих предпринимают самостоятельные шаги в этом направлении, не дожидаясь приказов вышестоящих органов, т.е. модернизация производства осуществляется «изнутри», благодаря заинтересованности в ней участников процесса. Оторванность интересов бюрократии от производства означала и отсутствие ее заинтересованности в его модернизации. Имевшихся в то время в распоряжении высшей бюрократии рычагов воздействия на ее средние и низшие уровни (несмотря на понимание важности проблемы и предпринятых огромных усилий по ее разрешению) было недостаточно для формирования мотивации последних на осуществление модернизации производства. Советская бюрократия оказалась неспособной осуществить этот процесс. Страна катастрофически отстала от передового мира.

Таким образом, советские институты формирования доходов класса бюрократии (заработная плата и система привилегий) развели его интересы с интересами процесса производства. Официально основным источником доходов советской бюрократии была заработная плата, формировавшаяся в процессе производства на

основе принципов, одинаковых для всех слоев общества. В действительности главным и преобладающим источником выступали монопольно присвоенные привилегии, определяемые исходя из социального статуса. Следовательно, доходы номенклатуры являлись функцией статуса, а не эффективности производственной деятельности. Внедренные в советскую государственно-капиталистическую систему институты формирования доходов номенклатуры («социалистическая» заработная плата и «сословная» система привилегий) изменили мотивации советской бюрократии – от эффективности производства к укреплению собственного социального статуса. Вместе с этим данный экономический субъект лишился и качеств, характерных для капиталистического поведения (погоня за прибылью и эффективностью, риск, самостоятельность, инициативность и т.п.). Другими словами, важнейшие капиталистические механизмы в экономике в его советском варианте были выхолощены.

Такой отрыв проявлялся не только в недостаточных усилиях по модернизации производства. Другой важной особенностью было их потворство низкоэффективному функционированию основного производственного фактора – рабочей силы. Эффективная эксплуатация рабочей силы требует огромных трудовых затрат со стороны организаторов производства. Стремясь избежать этих затрат, советские бюрократы-управленцы способствовали формированию неинтенсивной системы использования труда. На советских предприятиях, как правило, имел место избыток рабочей силы, т.е. за участком работы, с которым справился бы один человек, закреплялось два, а то и более. Для этого поддерживался низкий уровень заработной платы, не позволявший оценить необходимую эффективность использования рабочей силы.

Аналогичное влияние советские псевдосоциалистические институты распределения оказали на мотивации рабочего класса. При классическом капитализме доходом работника является заработная плата. Неоклассическая теория показывает, что в ситуации общего равновесия величина заработной платы работника равна величине его предельного продукта в денежном выражении. Таким образом, в результате действия механизма конкуренции величины заработной платы работников четко дифференцировались в зависимости от уровня квалификации работников, т.е. их способности создавать добавленную стоимость. Следовательно, чтобы получить большую заработную плату работник должен созда-

вать большую добавленную стоимость. Для этого нужно трудиться больше времени или более качественно или и то, и другое. Количество и качество труда при капитализме являются основными факторами заработной платы, т.е. последняя жестко привязана к результатам труда.

Кроме этого, важным фактором, формирующим интенсивность труда при классическом капитализме, является безработица. Институты капиталистического рынка труда работают таким образом, что всегда часть рабочей силы не находит своего применения, является невостребованной. Каждый работающий понимает, что в любой момент может оказаться на улице, и это делает его более сговорчивым в вопросах величины заработной платы, интенсивности и условий труда. Безработица также является эффективным средством мотивации работников с использованием как позитивных (заработная плата), так и негативных (потеря рабочего места) факторов.

Совсем иная ситуация сложилась на рынке труда в Советском Союзе. «Правила игры» на этом рынке задавались советской бюрократией и, следовательно, соответствовали ее интересам, оторванным от производства. Последнее побуждало в такое же положение поставить и советский рабочий класс. Ведь в случае прямой зависимости доходов рабочих от результатов производства последние стали бы активно требовать его эффективной организации от управленцев-бюрократов. Возникшее противоречие могло привести к серьезному социальному напряжению. Чтобы избежать этого, в советской системе были модифицированы (искажены, извращены) капиталистические мотивации основного участника процесса производства – рабочего класса.

Прежде всего, проявлялось это в непомерно широком распространении повременной формы заработной платы, когда работник получает зарплату не за результат труда, а за время пребывания на рабочем месте. Соответственно, работник переставал быть заинтересованным в перевыполнении установленных норм, т.е. лишался мотивов к интенсивному труду. Важным фактором советских трудовых отношений явилось принципиальное отрицание возможности безработицы в СССР. Это привело к возникновению следующих экономических последствий:

- 1) практической невозможности увольнения работников;
- 2) формированию скрытой безработицы (повсеместное неинтенсивное использование труда).

Созданные бюрократией условия функционирования рабочего класса сформировали и мотивации последнего. Поскольку доходы рабочих не определялись непосредственно качеством труда, постольку и его экономические интересы не были связаны с эффективностью производства. По мнению В.М. Цветаева, «...для отечественной экономики проблемы трудовой мотивации обострились к концу советского периода и стали одной из фактических причин распада «социалистической» системы хозяйствования. Тогда же были установлены основные причины неэффективности труда и кризиса трудовой мотивации. К ним, прежде всего, относили существовавшие формы оплаты труда и принципы уравнительности, которые порождали слабую материальную заинтересованность работников» [Цветаев, 2010, с. 56–57]. Улучшение своей жизни рабочие все больше связывали с различными формами оппортунистического поведения. Отлынивание превратилось в широко распространенный его стереотип. Оно позволяло ту же зарплату получать в обмен на меньшие трудовые усилия. Так рабочие добивались увеличения реальной ставки заработной платы, однако это формировало тенденцию к монотонному уменьшению качества труда.

Другой массовой формой оппортунистического поведения стало воровство производственного оборудования, материалов, любой собственности предприятий, которая могла быть продана, обменена или как-то использована. Таким образом формировались «незарплатные» источники формирования доходов работников. Особенно это процветало на предприятиях, производящих товары народного потребления. «Воровство у «государства», – отмечает Ю.Б. Кочеврин, – приняло в Советском Союзе характер привычки, стало своего рода автоматическим актом – крали все, что «плохо лежит» – от предметов сантехники до канцелярских принадлежностей. Привычность воровства, особенно мелкого, создавала в обществе особый моральный климат, который усиливал и акцентировал противостояние «социалистического государства» и человека. Бороться с такого рода деморализацией, распространяющей свое влияние на миллионы людей, было чрезвычайно трудно» [Кочеврин, 2004, с. 69]. Администрации предприятий и в целом бюрократия смотрели на эти процессы сквозь пальцы. Проводившиеся время от времени кампании по борьбе с «несунами» имели незначительный и кратковременный эффект.

Советская бюрократия, создав условия для расцвета оппортунистического поведения рабочих и служащих в рассматриваемый период, не создала каких-либо реальных институтов, ему противодействующих. Отдельные попытки применения мягких репрессивных методов для решения этой проблемы, предпринятые, в частности, в начале 1980-х годов, не увенчались успехом. Разложение «основной производительной силы» остановить не удалось.

Стремясь обеспечить для себя максимально комфортные условия управления экономикой, советские капиталисты-бюрократы создали систему формирования доходов рабочих, слабо связанную с результатами производства. Проявлялось это, в частности, в непомерно широком распространении повременной формы заработной платы, при которой работник получает зарплату не за результат труда, а за время пребывания на рабочем месте. Одна из причин, почему именно эту систему предпочитала советская бюрократия, заключалась в том, что работник переставал быть заинтересованным в интенсивном труде. Требования работников к уровню организации производства устанавливались на очень низком уровне. А порой они становились заинтересованными в плохой организации производства.

Кроме этого, сформировались специфические неформальные практики в рамках имевшей место сдельщины, которые фактически приближали ее к повременной системе. Так, сложилась повсеместная практика урезания расценок в случае стабильного перевыполнения работниками плановых заданий. Данная ситуация, естественно, была известна рабочим. Их ответом стало строгое выполнение установленных норм, а также негативное отношение к любой модернизации производства, ибо она могла бы привести к зачастую неоправданному уменьшению расценок. Постепенно данная тактика оформилась как неформальная норма (традиция, свойство) производственного поведения советских рабочих. Нарушители этой нормы – передовики и ударники производства – зачастую подвергались обструкции в рабочей среде, не без оснований опасавшейся, что результаты их работы могут быть использованы в качестве предлога для общего ухудшения условий оплаты. Таким образом, внедренные советской бюрократией принципы формирования заработной платы сформировали отсутствие заинтересованности рабочих в интенсификации и повышении производительности своего труда. Хотя нормальный капитали-

стический рынок труда воспитывает рабочую силу с совершенно противоположными качествами.

В результате неинтенсивного труда сформировалась «скрытая безработица», предприятия не могли избавиться от балласта неэффективных, немотивированных работников, т.е. содержали их за счет добросовестных тружеников. Это подрывало производственные мотивации последних. В экономической сфере массово сформировалось явление, которое в институциональной экономической теории называется отлыниванием и отнесено к виду оппортунистического поведения.

Поскольку имеющаяся рабочая сила использовалась неинтенсивно и малопродуктивно, предприятия открывали все новые вакансии, на рынке труда спрос существенно превышал предложение, широко культивировался тезис о дефиците рабочей силы. Большинство работников могло легко найти себе аналогичное по условиям рабочее место на соседнем предприятии. Это еще больше снижало их мотивации к интенсивному и производительному труду.

Советский рабочий на практике убеждался, что повышение интенсивности и производительности труда не приводило к соответствующему увеличению зарплаты и повышению качества жизни. Это сформировало мотивацию работников на выполнение неинтенсивного труда за низкую заработную плату. Такая мотивация была в интересах бюрократии: отсутствие запроса на интенсивный труд со стороны работников понижала и требования к качеству работы управляющих. Постепенно формировался своеобразный симбиоз между работниками и управляющими, в равной степени отлынивающими от интенсивного труда. В народе возникло выражение: «Мы делаем вид, что работаем, – они делают вид, что нам платят». Это выражение можно было бы использовать в качестве главного экономического лозунга того периода развития страны, который впоследствии был назван периодом «застоя».

Разложение «основной производительной силы» стало одним из негативных «наследий» советской эпохи. Оно продолжилось и после гибели советского строя. По мнению В.Д. Патрушева, «в 1992 году, когда начались реформы по преобразованию экономической системы, в обществе царил эйфория – ... разовьется чувство хозяина, возрастет инициативность, стремление добиваться лучших результатов, улучшится отношение к труду. К сожалению,

ничего этого не произошло. Очевидное ухудшение отношения к труду, безусловно, ведет к снижению его интенсивности и производительности» [Патрушев, 1996, с. 194]. Для преодоления этой тенденции стране пришлось пройти через длительный и болезненный период слома старых стереотипов.

* * *

В основе товарного (рыночного) и планового (централизованного) типов общественного хозяйств (экономик) лежат соответственно частная и общественная собственности на средства производства. Виды этих экономик подразделяются в зависимости от форм соединения непосредственных производителей (работников) со средствами производства. Политическая экономия выделяет три механизма вовлечения работников в производство и, соответственно, три типа товарного хозяйства (рабовладельческое, мелкое и капиталистическое). Аналогичным образом можно выделить типы планового хозяйства и соответствующие им способы производства и типы общественной собственности, а именно: плановое рабовладельческое («азиатский способ производства»), плановое капиталистическое (государственный капитализм) и плановое демократическое хозяйство (социализм или коммунизм).

Анализ советской экономической системы периода 60–80-х годов XX века позволил выделить четыре сущностные особенности: 1) наличие общественной собственности на средства производства; 2) независимость субъекта этой собственности (государства) от общества (народа); 3) наличие существенных гражданских свобод, позволяющим констатировать существенное сокращение (ликвидацию) личной зависимости народа от государства; 4) возникновение своеобразного рынка труда. Данные особенности позволили нам определить сущность и, соответственно, содержание советской системы данного периода как государственный капитализм.

Исследование содержания любого явления требует последовательного изучения и его формы. Последняя является одним из важнейших факторов, определяющих и организацию, и развитие содержания. Особенно важным является такое изучение в случае несоответствия или противоречия между формой и содержанием объекта. Именно такая ситуация имела место на протяжении все-

го существования советской экономической системы. Главный проектировщик советской системы – советская бюрократия – изначально в качестве своей главной цели объявила построение нового, социалистического общества. Именно эта цель обеспечивала легитимность советского государства. Однако реальные экономические отношения слабо соответствовали социалистическим принципам. И тогда сложилась повсеместная практика придания этим отношениям внешне социалистической формы.

В стремлении придать в 1960–1980-е годы капиталистическим по содержанию общественным отношениям социалистической формы проектировщики этих отношений – советские идеологи – осуществляли различные их преобразования, создавая различные превращенные формы. Таким образом, идеологические установки элиты повлияли на содержание реальных экономических отношений. В советскую государственно-капиталистическую систему были внедрены формальные институты, которые изменили, извратили мотивации советской бюрократии и народа и таким образом выхолостили важнейшие капиталистические механизмы в экономике. В процессе своего развития советский госкапитализм превратился в набор неэффективных экономических институтов, неспособных ответить на вызовы истории и, прежде всего, обеспечить модернизацию отечественной экономики. По этой причине мы считаем более точным характеризовать советскую систему как *извращенный государственный капитализм*.

Такая характеристика позволяет сформулировать альтернативу тем «реформам», которые были навязаны России в 1990-е годы и представлялись как переход от плановой экономики к рыночной. Однако если в качестве главной проблемы советской экономики рассматривать «извращенность» действовавших государственно-капиталистических институтов по причине придания им псевдосоциалистической формы, именно приведение в соответствие формы и содержания советского госкапитализма могло бы позволить ему преодолеть имевшиеся трудности. И траекторией реформ стало бы не движение от централизма к рынку, а движение от извращенного к нормальному госкапитализму. Именно этим путем, по нашему мнению, уже почти сорок лет движется Китай. Именно на эту траекторию после шараханий, заблуждений и великих потерь постепенно «выруливает» современное российское общество.